

An abstract, expressive sketch in black ink on a light brown background. It depicts a figure with a long, reaching arm and a head with a beard, rendered in a dynamic, almost calligraphic style. The lines are fluid and energetic, suggesting movement and form without realistic detail.

В. П. Григорьев

**ВЕЛИМИР
ХЛЕБНИКОВ
В ЧЕТЫРЕХМЕРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
ЯЗЫКА**

**Избранные
работы.
1958–2000-е
годы**

В. П. Григорьев

**ВЕЛИМИР
ХЛЕБНИКОВ
В ЧЕТЫРЕХМЕРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
ЯЗЫКА**

**Избранные
работы.
1958–2000-е
годы**

**Языки
славянских
культур**

**МОСКВА
2006**

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 05-04-16171

Григорьев В. П.

Г 83 Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка: Избранные работы. 1958—2000-е годы. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 816 с.

ISBN 5-9551-0141-1

В книгу вошли статьи 1958—2004 гг., сжато представившие путь автора к выдвигаемой им идее 4-мерного пространства(времени) языка: в ней семантике, синтактике и прагматике сопоставлена «эвристика», охватывающая и пронизывающая их. В основании идеи лежит, прежде всего, творчество Велимира Хлебникова; автор видит в нем «нашего Эйнштейна от гуманитарии». В развитие теории экспресsem, с опорой на «Словарь языка русской поэзии XX века», обсуждается модель «Словаря эвристик» с отбором в него «сильных» (в идейно-художественном смысле) контекстов из источников и проблема динамики в самой эвристике, условная смена «парадигмы Блока» «парадигмой Хлебникова», т. е. их «метабиотические» связи. Идею эвристики во многом обусловили опыт прямых учителей автора (это А. А. Реформатский, В. В. Виноградов, Е. А. Бокарёв) и специфический круг его интересов: к русистике и целостной филологии, словообразованию, лексикографии, языку поэзии, интерлингвистике, кризису младограмматизма, Будетлянину, Авангарду; к модели языковых функций и модели «Смысл ↔ Текст», единству искусства и науки, лингвистической эстетике и эстетической гносеологии, ОПОЯЗу, семиотике и МФШ, культуре языка и языковой политике, Чехову, Н. Бору, диалогу и воображаемой логике, А. Белому, О. Мандельштаму, М. М. Бахтину, стиховедению, «принципам XX века»... О том, как всё это действовало и «сошлось», рассказано в необычном введении к книге — «От автора. Пути». Статьи комментируются с позиций преобразования филологической парадигмы, рассчитанного на сближение лингвистики и литературоведения.

Для филологов, культурологов, всех интересующихся языком поэзии и языком вообще.

ББК 83.3

В оформлении переплета использованы фрагменты иллюстрации В. В. Хлебниковой к стихотворению Велимира Хлебникова «Снежимочка» (1920-е годы)

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-9551-0141-1

© В. П. Григорьев, 2006
© Языки славянских культур, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений.	9
От автора. Пути.	11

СТАТЬИ И ТЕЗИСЫ

0. «Предполье». 1950-е годы

1. К вопросу о грамматических отношениях между компонентами сложного существительного (1958).	31
--	----

I. От интерлингвистики и экспрессымы к «Поэтике слова» и неизвестному Хлебникову

2. И. А. Бодуэн де Куртэнэ и интерлингвистика (1960)	43
3. О нормализаторской деятельности и языковом «пяточке» (1961)	55
4. Культура языка и языковая политика (Вместо рецензии на книгу К. И. Чуковского) (1963).	67
5. О некоторых вопросах интерлингвистики (1961 → 1966)	79
6. О задачах лингвистической поэтики (1966)	91
7. О структурализме в литературоведении (1969)	105
8. О единицах художественной речи (1971)	108
9. Финали «согласный + сонант» в поэтической речи (1971).	116
10. К проблеме перифразы (1974)	122
11. От редактора (1974; 1982)	135
12. Ономастика Велимира Хлебникова (индивидуальная поэтическая норма) (1976).	144
13. Искусственные вспомогательные международные языки как интерлингвистическая проблема (1976).	159
14. От текста к языку и снова к тексту (1977)	174
15. Лингвистика, поэтика, эстетика: О разных подходах к поэтическому языку (1979)	182
16. Собственные имена и связанные с ними апеллативы в словотворчестве Хлебникова (1981).	195
17. «Лети, созвездье человечье...» (В. Хлебников-интерлингвист) (1982)	217
18. Скорнение (1982)	227

II. Через оппозицию бюджетлянство / кубофутуризм к общей идее «принципов XX века» и связке А. Белый – Хлебников – Мандельштам

19. «Язык как творчество» (1989)	233
20. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Основные задачи, проблемы и перспективы (1989)	236
21. Культура языка и культура речи (1990)	243
22. О трансфразеологии (1990)	246
23. Вопросы велимироведения (1985 → 1990)	251
24. Предисловие (1991)	258
25. «Постфактум» (1991) (<i>неопубл.</i>)	270
26. От редактора (1994)	274

III. Через словарь «Самовитое слово» к понятиям идЕостиля и интер(кон)текстуальности и снова к экспресме

27. Интертекстуальность и сопоставительная идиостилика (1994)	283
28. Самовитое слово и его словарное представление (1994)	286
29. Язык экологии. Экология культуры. Культура языка (1994)	294
30. Словарь «Самовитое слово»: семантика vs. эстетика? (1997)	299
31. Велимир Хлебников (1998)	301
32. Введение (1998)	350
33. В. Хлебников: <i>Веха, двигава и путь</i> (1999)	370
34. Заметки к теме «Хлебников и Солженицын» (2000)	380
35. Чудо-безумец Веха перед филологией XXI века (2000)	382
36. Взлеты и падения Авангарда (2001)	390
37. В защиту Будетлянина (Оппонирую О. А. Седаковой и «Миру» Хлебникова) (2000, 2001, 2004)	400

IV. Через книгу «Будетлянин» и «Словарь языка русской поэзии XX века» к «Словарю избранных экспресме»

38. Три оппозиции в идЕостиле В. Хлебникова: <i>славь / ньмь</i> , Восток / Запад, зангезийство / ? (2001—2003)	415
39. Оппонента вызывали? (2001) (<i>неопубл.</i>)	429
40. Об одном тире в одном из «Восьмистиший» Осипа Мандельштама (2002)	432
41. Хлебников без ретуши (К выходу в свет двух первых томов его Собрания сочинений) (2002)	447
42. «Безумный, но изумительный» (2002)	478
43. Ламарк и Хлебников (параллельные миры в «Восьмистишиях» О. Мандельштама) (2002)	488

44. Принципы составления «Словаря языка русской поэзии XX века» (2002) (в соавторстве с Л. И. Колодяжной и Л. Л. Шестаковой)	490
45. Мандельштам и Хлебников, I (2002).	497
46. Мандельштам и Хлебников, II (2003).	503
47. Культура языка и языковая политика (2003).	519
48. Слова в контекстах русской поэзии XX века (О «Словаре избранных экспрессем») (2003).	538
49. Образы порядка и беспорядка у В. Хлебникова (2003).	558
50. Велимир Хлебников у входа в контекстную элиту русской поэзии XX века (2003).	570
51. В поисках сущности поэмы «Синие оковы» (материалы к комментарию) (2003).	580
52. Ответ В. В. Полонскому (2003)	606

V. Эвристика как четвертое измерение языка.

Эвристемы как достояние культуры. «Наш Эйнштейн от гуманитарии».

Идея преобразования филологической парадигмы

53. О Хлебникове-художнике (К проблемам лингвистической эстетики) (2003—2004)	615
54. Цитаты дня в творчестве Хлебникова (2003—2004).	631
55. Крестословица «Хлебников» и несколько не отмеченных в ней сюжетов и смыслов (2003—2004)	648
56. Хлебников и уроки Конференции-фестиваля 2003 года (2003—2004)	660
57. Хлебников: без словаря как без рук (2003—2004).	667
58. Блок и Хлебников в четырехмерном пространстве языка (заметки к проблеме) (2003—2004).	671
59. О четырехмерном пространстве языка (Блок и Хлебников: эвристика в парадигмальных экспрессемах) (2003—2004)	674
60. Диалогическая (не)интеллигентность (2003—2004).	712
61. Принципы XX века. 1. Велимир Хлебников (2003).	737
62. Велимир Хлебников и четвертое измерение языка (2004)	743
63. Эвристика и четырехмерное пространство языка (2004)	750
Пояснения к статьям и тезисам	762
Основные книги автора и коллективные труды	777
Иные виды работ	779
Перечень ряда фоновых текстов автора	784
Указатель имен	791

0. «ПРЕДПОЛЬЕ». 1950-Е ГОДЫ

1. К вопросу о грамматических отношениях между компонентами сложного существительного

История вопроса о славянском словосложении дает немало примеров анализа различных типов сложных существительных на основе прямой аналогии с соответствующими словосочетаниями¹. Несмотря на имеющиеся в современной литературе указания на недопустимость такой аналогии², известное отождествление отношений между компонентами сложного слова с отношениями членов словосочетаний обнаруживается и в работах самого последнего времени; во многих современных диссертациях, посвященных вопросам словосложения, отмечается наличие в сложном слове грамматических отношений³.

Анализ «грамматических (синтаксических)» отношений между компонентами сложных слов в классическом индоевропейском языкознании опирался обычно на специально подобранное к данному сложному слову «синонимическое» словосочетание. Правда, после Н. И. Греча уже казалось неестественным при анализе отношений между частями сложного слова представлять слова *полководец*, *кровопийца*, *земледелец* соответственно в виде «водец полка», «пийца крови», «делец земли»⁴. Но от такой упрощенной и искусственной подстановки подмена анализа слова *водовоз* анализом словосочетания *возящий воду* и т. п. (ср. у И. В. Ягича: *чародей* и «иже чары деет») отличается только большей тонкостью, по существу же разницы здесь нет, так как в обоих случаях предмет исследования подменяется другим, вместо отношений между компонентами сложного слова анализируются отношения между членами «синонимического» словосочетания, в которое «развертывается» композит (сложное слово).

Несомненно наличие синтаксических отношений между членами различных типов словосочетаний (включая и так называемые предикативные словосочетания и «словесные сочинительные ряды»), так как различные грамматические формы слов, объединяемых в словосочетания, сохраняют присущие им грамматические значения рода, числа, падежа, лица, времени, наклонения, залога, вида и т. п. Но есть ли основание считать, что компоненты сложного слова сохраняют грамматические значения членов исходных словосочетаний?

Исходя из материала современного русского языка, нельзя согласиться с О. Есперсеном относительно того, что первый компонент сложного слова «сохраняет значение *числа* даже тогда, когда оно прямо не выражено»⁵. Это заставляет отнестись с осторожностью и к попыткам обнаружить у первых компонентов сложных слов значения *рода* и *падежа*. Что касается значения рода, то оно явно отсутствует у первых компонентов не только таких слов, как *черноморец*, *фальшивомонетчик*, но и слов типа *водовоз*, *миномет*, *ледоруб*, *сноповязалка* (ср.:

зёрносуши́лка, кíносценáрий) и под., так как в современном русском языке основам существительных не присуще родовое значение⁶.

Понятно, что наличие или отсутствие падежного значения у первого компонента имени существительного по существу предопределяет решение вопроса о синтаксических отношениях внутри сложных существительных типа *водовоз* и под.

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского среди заглавных слов выделяется ряд сложных существительных, первые компоненты которых представляют собой падежные формы. Перечислим только наиболее показательные: *водулеиць, домачадыць, законаполагатель* (наряду с *законъположение*), *землимеритель, злупоминание, книгъчии, мирусписатель* (наряду с *миросписание*), *мъздыдавыць* (наряду с *мъздодавыць*) и др. Ср. образование *челомбитье* в тексте Судебника 1550 г. Ср. современные укр. *кожум'яка*, чешск. *knihkupes* и под.

Известно, что в историческом развитии формы первого компонента сложных слов обнаруживается тенденция к унификации, к замене падежных форм универсальной формой на *о-/е-*. Можно ли говорить, что падежные значения у первых компонентов при этом сохраняются в своем качестве? По нашему мнению, это равносильно тому, чтобы признать за первыми компонентами в сложных словах *зверолов, птицелов, винторез, самокритика* и под. значение числа, т. е. стать на путь увлечения семантикой и недостаточно учитывать момент материального выражения этих «обнаруживаемых» грамматических значений, наличие которых у компонентов сложного слова еще никем не было показано.

Таким образом, следует признать, что грамматическая характеристика члена соотносительного словосочетания подвергается в первом компоненте сложного слова известной нейтрализации⁷.

Но грамматические (синтаксические) отношения являются двухсторонними. Поэтому необходимо обратиться ко второму компоненту сложных слов, определить его «грамматическое лицо».

Несомненно, что *глагольная категория* лица отсутствует у вторых компонентов сложных слов типа *водовоз, мухомор, салотоп* и под. Нет никаких оснований рассматривать вторые компоненты *-воз, -мор, -топ* и др. как отпричастные образования (ср. Participial И. В. Ягича) и сближать, а по существу отождествлять их с причастиями *возящий, морящий, вытапливающий* и т. д. Подобным образом можно было бы любое и не сложное *poimen agentis* (имя деятеля), например *производитель, конструктор, швея, защитник*, уподобить причастиям *производящий, конструирующий, шьющая, защищающий* и т. п. Неправомерность такой аналогии бросается в глаза, но, даже если следовать ей, глагольная категория лица не появляется во втором компоненте сложных существительных, поскольку и причастие не имеет этой категории. Подобные аналогии опираются на приблизительное описание лексического значения сложного слова в целом, на синонимичность различных в грамматическом отношении конструкций.

Естественно, нет оснований говорить о том, что второй компонент сложного слова типа *водовоз* сохраняет значения времени и наклонения, поскольку в

пределах сложных слов нет временной и модальной противопоставленности вторых компонентов⁸. Нет такой противопоставленности и в отношении категории залога⁹. Показательно, что категория переходности — непереходности также претерпевает известную нейтрализацию внутри сложного слова. Ср.: *сеновал — ветровал; сталевар — самовар; водоворот — круговорот; сноповяз — самовяз; коногон — самогон; винодел — самодел; винокур — дымокур; каменолом — бурелом; секундомер — глазомер; китобой — градобой, разнобой* и т. п.

Сложнее, на первый взгляд, обстоит дело с категорией вида. Вторые компоненты в словах типа *водовоз, снегопад, книгоноша, скороход, сталевар, самосад, тугоум* и под. как будто по своему образованию соотносятся только с основами глаголов несовершенного вида: *возить, падать, носить, ходить, варить, садить, думать* и т. д. (ср., с другой стороны, немногочисленные случаи типа *водосброс, молокоотсос*¹⁰). Но так как и здесь отсутствует противопоставленность вторых компонентов по виду, можно отметить и в этом случае видовую неопределенность второго компонента. Ведь «несовершенный вид, обозначая “неквалифицированное действие-состояние” (Шахматов), является основой, нейтральной базой видового соотношения»¹¹. Не случаен, по-видимому, тот факт, что вторые компоненты, восходящие к глаголам движения, образуются, как правило, от основ глаголов неопределенно-несовершенного вида. Ср.: *скороход, паровоз, ветрогон, колоброд, верхолаз, водонос, плотовод* и т. д. (но *самолет, самокат*).

Таким образом, и видовое значение глагольного второго компонента в сложных существительных следует считать в значительной степени нейтрализованным. Но даже в том случае, если бы категория вида сохранялась вторыми компонентами сложных существительных, это не давало бы основания говорить о наличии грамматических отношений в сложном слове, поскольку между категорией вида и теми грамматическими категориями, «которые выражают разного рода отношения действительности», есть глубокое качественное различие¹².

Подобно тому как инфинитив является представителем всех форм одного глагола, глагольный второй компонент служит морфемой-представителем всей глагольной парадигмы, причем значение этой морфемы еще более абстрактно, более обобщенно, чем значение инфинитива. Сущность цельнооформленного сложного слова в том и заключается, что в нем самые различные грамматические отношения нейтрализуются, обобщаются.

Если «фразеологизм тем и отличается от сложного слова, что он является словосочетанием» (В. В. Виноградов), то это и значит, что в фразеологическом сочетании грамматические отношения между его членами застывают, сохраняются неизменными, тогда как в сложном слове они претерпевают качественные изменения, обобщаясь до степени отношений словообразовательных, внутрисловных.

И сейчас еще по традиции указывают на то, что первый компонент в словах типа *держиморда, сорвиголова, вертихвостка* и под. представляет собой форму повелительного наклонения глагола¹³. Однако опровержением этого мнения служит тот факт, что второй компонент не получает формы винительного падежа, а выступает в форме «общего падежа» имени существительного. Грамма-

тические отношения и в этом непродуктивном для русского языка (но продуктивном для украинского) типе сложных существительных в известной степени уступают место словообразовательным. Поэтому правильнее, на наш взгляд, говорить о том, что в таких случаях первый компонент только «совпадает с формой второго лица ед. ч. повелительного наклонения от соответствующего глагола»¹⁴. А это приводит к выводу, что формы *держи-*, *сорви-* и под. играют здесь роль морфем-представителей, хотя и специфических в силу указанного совпадения. Специфичность эта заключается в экспрессивности, которую приобретает сложное существительное типа *держиморда*, благодаря «необычному» оформлению глагольного компонента, на фоне «обычных» сложных слов с глагольным компонентом на первом месте: *скалозуб*, *лизоблюд*, *вертопрах*, *щелкопёр* и др., у которых глагольный компонент оформляется по «именному типу». Тем самым в словах *держиморда*, *сорвиголова*, *скопидом* и под. ярче выступает «глагольная сила» первого компонента.

Многочисленные случаи совпадения не только первой, но и второй основы с формой повелительного наклонения заставляют предполагать, что появление формы «повелительного наклонения» в первом компоненте слов типа *держиморда*, *скопидом*, *вертихвостка* и под. так или иначе связано с особенностями формы второго компонента у таких слов, как *чертознай*, *бокогрей*, *чистоплюй*, *брадобрей*, *ветродуй*, *ложкомой*, *свиной* и под., где используется основа настоящего времени, совпадающая с формой повелительного наклонения¹⁵, а также слов типа *краснобай*, *суховея*, *сухостой* и т. д., у которых основа настоящего времени совпадает с основой инфинитива. Ср. еще *водолей*, *домострой* и др.

Таким образом, представляется более правильным взгляд на «соединительный гласный» *-и-* как на показатель глагольности первого компонента, вопреки традиционной точке зрения на *-и-* как на примету формы повелительного наклонения.

Другие сложные существительные с глагольным первым компонентом не представляют собой единства. Это или кальки, как *любомудр* и под., или варианты слов с глагольным вторым компонентом (*лизоблюд*, *скалозуб*, *щелкопёр*), или же единичные (в том числе — индивидуальные) образования, например *вертопрах*, *трясогузка*, *дрыгоножество* (Маяковский). Ср. *вертолет* — слово, носящее в себе явный отпечаток контаминации, взаимодействия «продуктивной» группы сложных слов с *-лёт* во второй части и типа слов с глагольным первым компонентом. Слово *мотовило* в настоящее время уже деэтимологизировалось. Наконец, слово *лежебока* (ср. *лежебок* у В. Курочкина) не имеет каких-либо аналогий.

Судьба подобных слов ярко свидетельствует о том, что порядок основ в сложном существительном, в отличие от порядка слов в словосочетании и предложении, не может рассматриваться как способ выражения грамматических значений и отношений. Строго закрепленный порядок компонентов внутри каждого из «подчинительных» типов словосложения существительных, правда, позволяет сохранить в сложном существительном общую противопоставленность, например, именных и глагольных основ, но этого недостаточно, чтобы говорить о выражении

в нем грамматических значений компонентов и о конкретных грамматических отношениях между ними. Существительные же различных типов словосложения не могут быть объединены даже по тому признаку, что первый компонент якобы всегда является логическим определением к определяемому — второму компоненту. Ср.: *овцебык, утконос, буревестник, пятилетка, солнцепек, самолет, водовоз, пароход, вездеход, скопидом* и т. п.

Особенно показательными для решения вопроса о наличии или отсутствии внутри сложного слова грамматических отношений являются те споры, которые развернулись еще во времена Павского и Надеждина вокруг слов *пароход, паровоз* и *видопись*.

Относительно последнего слова Н. И. Надеждин высказался в пространном примечании к одной из своих статей. Вот его рассуждение полностью.

«Недавно в одном журнале, — писал Надеждин, — прошумели, бог весть что, про новое слово *видопись*, составленное одним из лучших наших писателей¹⁶ в замен немецкого *ландшафт* или французского *пейзаж*. По-моему, это не совсем удачная выдумка. По окончанию слово это принадлежит к одной категории с *рукопись, скоропись, живопись*, где первая половина, присоединяемая к последней *пись* или *письмо*, означает не предмет, а качество, способ действия, выражаемого сею последнею, и при разложении должна заменяться прилагательным, как-то: *ручное письмо, скорое письмо, живое письмо*. По этому и слово *видопись* должно б было значить “видное письмо”, а не описание, картину вида, как предполагал составитель. Конечно, слово *летопись* значит описание лет или времен; а оно, по-видимому, той же фактуры. Но я думаю, что *летопись* составлена не из *лето-пись*, а из *лет-опись*, т. е. последняя половина не есть сокращение слова *письмо*, и цельное слово *опись* или *описание*. Это заключаю из примера всех сложных речений того же состава, где первую половиною выражается именно предмет, а не способ действия, н. п. *землеописание, нравописание*: здесь предлог *о* не поглощается в составлении, даже при стечении с другим *о*; и потому следовало бы уже картины природы переводить *видоописанием*. Приведу еще разительное доказательство моего мнения: *жизнеописание* и *живопись* составлены из одних и тех же слов, но рознятся именно тем, что *жизнеописание* есть описание жизни, а *живопись* есть живое письмо, искусство писать живо, так как *шапопись*, слово старинное, означало искусство писать шарами, красками»¹⁷.

Приведя в выдержках это высказывание, Г. О. Винокур в одной из своих статей отметил: «Интересно, что мнение Надеждина в корне противоречит мнению Павского о слове *паровоз*. Последний термин Надеждин должен был бы, с нашей точки зрения, вполне правильно понимать как “паровой воз”, “возящий паром”»¹⁸.

Мнение Павского, хорошо известное после одной из статей акад. В. В. Виноградова¹⁹, мы позволим себе привести также полностью, напомнив предварительно, что имена действия, времени и места среди сложных существительных со вторым компонентом — корнем глагола, обычно означающих «дей-

ствующее существо или орудие действия», Павский считал «только исключением из правила» и, имея в виду слова типа *водопой*, *водопад*, *глазомер*, *небосклон*, *сеновал*, *сенокос* и др. под., настаивал на том, что «неправильность состава сих слов очень ощутительна»²⁰.

Состав слов *пароход* и *паровоз*, писал Павский, «или чужой или ни на что не похожий. Родственные языки... допускают глагольный корень в состав имен для того, чтобы он выражал действительное причастие, а не страдательное... Подобно сему составлены и наши слова: *водовоз*, *водолаз*, *мореход*, *людоед* и пр. Во всех их глагольный корень соответствует действительному причастию, а имя, пред ним стоящее, подчинено ему и большею частью сближается с винительным падежом, хотя, впрочем, может принадлежать и к другим падежам, даже к творительному, однако не к такому, который управляет глаголом. *Водопой* происходит от *водою поить*, но *вода* здесь не управляет глаголом *поить* и не ставит его в число страдательных. По свойству нашего языка *пароход* может означать не что иное, как ходящий по парам или в парах, а *паровоз*, возящий пары. Но никак не должно означать судна, ходящего посредством паров или возимого парами (ср.: *водовоз*, *мореход*). Не странно ли бы было, если бы кто мельницу, действующую посредством воды и ветра, назвал *водомол*, *ветромол*?...»²¹.

Любопытно сопоставить с этим мнением Павского прямо противоположное мнение Р. Ф. Брандта, чрезвычайно педантически относившегося к различного рода «неправильностям» в способах сложения слов, но тем не менее считавшего слово *пароход* «весьма удачно составленным»²².

Акад. В. В. Виноградов в упомянутой статье не высказал своего мнения по поводу закономерности образования слов *пароход* и *паровоз*, отметив только, что протесты Павского «ни на кого не повлияли», поскольку «оба слова стали общенародными», и что «любопытны грамматические отношения между основами в словах типа — *пароход* (ходящий паром, т. е. посредством пара, с помощью пара). Ср. *дымоход*, т. е. ход дыма или для дыма» (389—390).

Если верен тезис о том, что «как бы ни возникали сложные слова, прочно остаются в языке лишь те из них, которые возникли в соответствии с внутренними закономерностями синтаксических возможностей сочетаемости определенных типов слов русского языка. Сочетаемости не отдельных конкретных лексических единиц..., а именно целых типов, разрядов слов, объединяемых в системе русского языка частями речи»²³, то следует признать, что слова *пароход* и *паровоз* образованы в соответствии с такими закономерностями. Даже в том случае, если повод к их образованию дало немецкое слово *Dampfschiff*, то тип их образования не находится в противоречии с типом образования сложных слов, второй компонент которых представляет собой глагольную основу²⁴, и сами эти слова служат свидетельством исключительной семантико-грамматической емкости данного словосложения. Возражения Павского против слов *пароход*, *паровоз*, *водопой*, *водопад*, *небосклон*, *сеновал* и др. и Надеждина против слова *видопись* отражали только непонимание ими этого факта. Аргументация же их (особенно это заметно у Надеждина) строилась как раз на основе привнесения в

сложное слово чуждых ему синтаксических категорий, на основе прямой аналогии между сложным словом и словосочетанием.

О наличии грамматических отношений между компонентами слова *паровоз* трудно говорить еще и потому, что, даже если признать неправильным анализ этого слова Павским и согласиться с Г. О. Винокуром в том, что *паровоз* должен пониматься как «паровой воз», «возящий паром», то остается неясным, какое же из этих толкований следует принять как соответствующее истинным «грамматическим отношениям» между основами данного слова. Столь различная трактовка «грамматических отношений» внутри одного и того же сложного слова лишний раз доказывает бесперспективность поисков в сложном слове «грамматических (синтаксических) отношений».

Не случайно многие исследователи словосложения в русском языке (Богородицкий, Будилович и другие) говорили о подразумеваемости отношения между компонентами сложного слова. Фактически то же самое признают многие из тех авторов, которые считают, что «синтаксические отношения» (или связи) между компонентами «вытекают из логического анализа» сложного слова (В. Н. Троицкий): если это так, то тем самым признается, что объективно грамматических отношений между компонентами сложного слова нет и только говорящий (или слушающий, или исследователь) привносит их в сложное слово, разлагая его по аналогии с наличными в языке словосочетаниями, синтагмами — частями предложений и даже целыми предложениями.

Различными авторами для обозначения связей, существующих между компонентами сложного слова, предлагаются термины «смысловые взаимоотношения», «семантические» или «семантико-синтаксические отношения». Все они представляются расплывчатыми и неопределенными. Более точным и ясным явился бы термин «опосредствованно-синтаксические отношения», подчеркивающий выводимость этих отношений только из соотносительного словосочетания, но он несколько громоздок. Целесообразнее было бы принять термин «словообразовательные отношения», учитывая при этом, что его можно использовать и при анализе аффиксальных слов.

Примечания

¹ См.: Miklosich Fr. Die nominaie Zusammensetzung im Serbischen. Wien, 1863; Jagic V. Die slavischen Composite in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie. Bd. XX. 1898. Bd. XXI. 1899.

² См., например: Современный русский язык. Морфология (Курс лекций). М.: Издво МГУ, 1952. С. 46—47; ср. с. 125.

³ З. П. Донова, по-видимому, одна из первых резко поставила вопрос о том, что поскольку сложное слово «не распадается на отдельные части слова», то «мы не можем говорить о каких-либо синтаксических отношениях между компонентами сложного слова» (Донова З. П. Сложные прилагательные в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1950. С. 4), При этом она допускает наличие между

**I. ОТ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ И ЭКСПРЕССЕМЫ
К «ПОЭТИКЕ СЛОВА» И НЕИЗВЕСТНОМУ ХЛЕБНИКОВУ**

2. И. А. Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика

Хотя термину «интерлингвистика», не меньше, а, вероятно, значительно больше 25 лет¹, до сих пор нет общепринятого определения этого термина. Это объясняется не только относительной «молодостью» интерлингвистики, но и прежде всего тем, что интерлингвистические исследования пока еще не заняли в кругу проблематики современной науки о языке того места, которое им по праву принадлежит. Интерес к проблемам интерлингвистики, который обнаруживают с конца прошлого века виднейшие представители отечественного и зарубежного языкознания, не вышел за рамки многочисленных, но более или менее разрозненных высказываний отдельных лингвистов по поводу идеи вспомогательного международного языка и не получил сколько-нибудь серьезного подкрепления в организации систематических исследований широкого круга относящихся сюда вопросов.

Правда, нельзя не вспомнить той значительной работы, которая была проделана рядом крупнейших лингвистов в связи с созданием «Делегации для принятия международного вспомогательного языка», а позднее по программе «Ассоциации международного вспомогательного языка» (IALA). Следует также учитывать, что в этой области опубликованы десятки общих и специальных книг, брошюр и статей, принадлежащих перу таких ученых, как Г. Шухардт, О. Есперсен, А. Мейе, Э. Сепир, Н. С. Трубецкой, Н. В. Юшманов, А. Мартине и др.² Можно указать на многие десятки и сотни замечаний по вопросам интерлингвистики в различных языковедческих трудах, авторы которых в общем сочувствуют постановке проблемы международного вспомогательного языка. Однако деятельность «Делегации...» обычно ассоциируется лишь с расколом в движении эсперантистов и появлением идо. Практические результаты многолетних исследований в рамках IALA — создание нового, но мало интересного натуралистического проекта международного языка интерлингва — никак не соответствовали возможностям большого коллектива лингвистов, принимавших участие в течение ряда лет в работе «Ассоциации...». Что же касается общих благожелательных оценок существа интерлингвистической проблематики, то и сейчас еще отдельные скептические высказывания в этой области, повторяющие «аргументы» пятидесятилетней давности, приобретают в глазах современных приверженцев младограмматизма как общелингвистической концепции роль несокрушимой базы для отрицания какого бы то ни было значения интерлингвистики в развитии теоретического языкознания.

Между тем, возьмем ли мы структурно-типологические исследования или машинный перевод, проблемы языка информационных машин или процессы взаимодействия языков и возникновения языковых интернационализмов — ни

одна из этих и многих других областей современного теоретического и прикладного языкознания не может уже в той или иной мере не учитывать опыта интерлингвистики³. В связи с этим оказывается особенно интересным факт обращения И. А. Бодуэна де Куртенэ, всегда чутко откликавшегося на все новые идеи в области теоретического и прикладного языкознания, к проблемам интерлингвистики еще в конце прошлого века⁴. Правда, Бодуэн не употреблял самого термина «интерлингвистика», но он уделил этой области столько внимания, что становление ее в качестве самостоятельной научной дисциплины стало возможным лишь благодаря развенчанию в работах Бодуэна некоторых младограмматических предассудков.

Есперсен, отметивший в 1930 г. факт рождения интерлингвистики как новой науки, определил ее следующим образом: «Область языкознания, которая исследует структуру и основные понятия всех языков, имея своей целью установление норм для создания искусственных международных вспомогательных языков»⁵. Понятие интерлингвистики тесно связано с другим важным понятием — «синтезирующего языкознания», которое, по определению известного австрийского терминоведа и специалиста в области прикладной лингвистики Эугена Вюстера, «не только констатирует, но сознательно воздействует на развитие языка». При этом, по Вюстеру, «если синтезирующее языкознание в отношении национальных языков представляет собой незначительную и совсем новую отрасль лингвистики, то лингвистическое изучение искусственных языков полностью относится к синтезирующему языкознанию»⁶.

Легко заметить, что в таком толковании понятие «синтезирующего языкознания» перекрещивается с понятием прикладной лингвистики.

Существуют и другие точки зрения на предмет и задачи интерлингвистики, но здесь не место для обсуждения этих специальных вопросов. Так или иначе, но тема «Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика» предполагает характеристику взглядов Бодуэна на некоторые проблемы «синтезирующего языкознания».

Если попытаться кратко охарактеризовать существо лингвистической концепции Бодуэна, то едва ли не самым важным для нее окажется постоянная борьба Бодуэна за правильное понимание проблемы стихийного и сознательного в развитии языка. Эту проблему Бодуэн ставит уже в «Некоторых общих замечаниях о языковедении и языке» (1871); к ней он возвращается в лекции «О задачах языковедения» (1888), а затем затрагивает ее в важной, с точки зрения развития его взглядов на словообразование, статье, посвященной польской химической терминологии (1900). Наконец, очень показательно, что в «Экзаменационные требования по “Введению в языковедение”» (1911) Бодуэн включает такие пункты⁷:

«57. Иметь понятие об участии сознания и “воли” человеческой в языковой жизни.

Уметь различать в языке: “бессознательное” и “сознательное”, “естественное” и “искусственное”» (с. 14).

«62. Иметь общее понятие о прикладном языкознании. Применение данных языковедения как к решению вопросов из области других наук..., так и к созданию искусственных языков» (с. 15, 16)⁸.

Рекомендуя Щербе в письме к нему от 27.VI (10.VII) 1907 г. заняться лужицким материалом, Бодуэн указывал, что при этом следовало бы «между прочим обратить внимание на следующие стороны языковой жизни: 1. Своеобразное, частью друг от друга независимое, частью же взаимно друг друга обуславливающее существование и течение языка оптического (письма) и акустического (звуков), да, кроме того, третьего ряда представлений, представлений морфологических и семасиологических, не принадлежащих ни к области письма, ни к области произносимого языка, а однако ж связанных и с тем и с другим. 2. Взаимное влияние иноплеменных, сталкивающихся в одних и тех же головах с принадлежностями, в одних и тех же индивидах: немецкий на лужицкий и наоборот... 3. Различие сознательного хозяйничанья и стихийных процессов»⁹.

Все это делает понятным, почему и Л. В. Щерба и В. И. Чернышёв в своих воспоминаниях о Бодуэне выделяли его тезис о возможности сознательного регулирования развития языка в качестве исключительно важного для лингвистической концепции Бодуэна.

Внимание Бодуэна к вопросам интерлингвистики связано и с его постоянным интересом к национальному вопросу. Связь эта закономерна. Обращение к интерлингвистической проблематике в целом — идет ли речь о вспомогательном международном языке или даже о будущем едином языке всего человечества (проблема, которая неизбежно возникает перед интерлингвистами) — может быть плодотворным только в том случае, если оно опирается на передовые, демократические взгляды по национальному вопросу, а решение этих проблем возможно лишь с последовательно интернационалистических позиций. Его собственная национальная программа, изложенная в таких работах, как «Проект основных положений для решения польского вопроса» (1906) ««Украинский вопрос» с вненациональной точки зрения» (1913) и др., а особенно в брошюре «Национальный и территориальный признак в автономии» (1907, опубл. в 1913), интересна не только своей ярко выраженной антицаристской заостренностью, но и некоторыми позитивными, последовательно проводимыми требованиями.

Далекий от марксистской постановки национального вопроса, от классового подхода к нему в классовом обществе, Бодуэн обычно высказывается как пацифист, как человек, которого занимают вопросы «мирного сожительства разноименных человеческих коллективов» («Украинский вопрос...», с. 3), «разных народностей и других общественных групп в пределах России и ее отдельных частей» («Проект основных положений...», с. 3). Но характерно при этом заявление Бодуэна о том, что «... в Западной Европе из всех партий до сих пор одни социалисты как сознательные представители пролетариата (за исключением только изменивших социалистическому принципу) решали удовлетворительно национальные вопросы, признавая полную равноправность всех национальностей и подчиняя в этой области не население чиновникам, но чиновников населению» («Проект основных положений...», с. 10).

Особый интерес представляет отношение Бодуэна к известным в истории славянства предложениям восстановить языковое единство славян. Еще в 1874 г. к Бодуэну обратился со специальным письмом Матия Маяр, автор проекта «узаемно-славянского языка». Письмо Маяра написано на этом общеславянском языке¹⁰. Ответ Бодуэна мне неизвестен. Однако о его отношении в более позднее время к подобным проектам¹¹ можно судить по краткому рассуждению в упоминавшейся статье Бодуэна до украинскому вопросу.

Бодуэн писал: «... нельзя отрицать, что различия для взаимного понимания даже между всеми славянскими языками... ничуть не больше различий между отдельными французскими, итальянскими и т. п. говорами. Стало быть, если у немцев, у французов, у итальянцев и т. д. есть один литературный язык, то точно так же мог бы существовать один общий литературный язык для всех славян, и никакой беды от этого не произошло бы. Но так называемая “История” иначе решила. Рядом с немецким литературным языком имеется язык голландский. Точно так же у разных славян возникли разные литературные объединяющие языки, которыми они дорожат как чем-то своим и неотъемлемым. Если украинцам угодно иметь свой особый литературный объединяющий язык, — добавлял Бодуэн, — так это их дело, и никто, ни польское шляхетство, ни русское чиновничество, не имеет права вмешиваться в это их домашнее дело» («Украинский вопрос...», с. 6).

Любопытно, что в ходе подготовки к I съезду славянских филологов и историков в Санкт-Петербурге в 1904 г. Бодуэн предложил среди других тем и такие, как «О славянском “взаимном” (международном) языке Матии Маяра и Орослава Цафа» и «Об языковом пуризме (о “чистительстве”, об очищении языка от “чужих”, “наносных” элементов) в связи с вопросом о смешении языков и о различении “естественности” и “искусственности” в языке»¹². Хочется попутно заметить, что едва ли следует предполагать, будто проекты Крижанича, а позже Маяра и Цафа «указывали... на известные кризисные моменты в истории единого книжнославянского или церковнославянского языка, а также и отдельных славянских языков»¹³. Для подобных предположений, мне кажется, нет достаточных оснований.

К вопросу о международных вспомогательных искусственных языках Бодуэн обращался в своих работах десятки раз. Материалы наследия Бодуэна, относящиеся к этой теме, можно условно разделить на две части. Во-первых, это многочисленные высказывания по проблеме «искусственного» и «естественного» в развитии языка в различных ранних и более поздних работах Бодуэна, а также и его переписке с Шухардтом, Мейе, Щербой, Есперсеном, Брандтом и др. Во-вторых, это несколько специальных работ Бодуэна, посвященных глубокому исследованию проблемы, в связи с его деятельностью в Постоянной комиссии Комитета «Делегации для принятия вспомогательного международного языка» в 1907—1908 гг. в качестве ее вице-председателя (председателем был В. Оствальд, другим вице-председателем — О. Есперсен, секретарями — известный логик и интерлингвист Л. Кутюрá и Л. Ло).

Еще в 1884 г. в рецензии на журнал «Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft» Бодуэн обращает внимание на то, что редактор д-р Ф. Техмер «среди вопросов онтологического развития языка» отмечает в программе журнала и «идеи всемирного (универсального) языка и письма»¹⁴. Несколько лет спустя в популярной лекции «O zadaniach językoznawstwa» (1889) Бодуэн уже дает оценку воляпюка, значение которого, по его мнению, слишком переоценивается, но который «может (... впрочем в существенно измененной форме) стать действительно всемирным средством общения торговли и промышленности» (отд. оттиск, с. 22).

В начале века выходит из печати с примечаниями Бодуэна книга эсперантиста Н. П. Евстифеева «К вопросу о международном языке» (СПб., 1903). Примечания Бодуэна касаются самых различных лингвистических вопросов, но в основном они сводятся к критическим замечаниям о структуре эсперанто. Бодуэн в это время знал эсперанто лишь из вторых рук, и он еще скептически относится к возможности достигнуть единообразного произношения эсперанто (с. 70), считает, что «эсперанто должны быть чужды предлоги, и вместо них следовало бы придумать новые “падежные окончания”» (с. 127). Бодуэн видит недостаток эсперанто и в том, что в нем одновременно употребляются и префиксы и суффиксы (с. 15), и делает ряд других замечаний. От некоторых из них он позднее откажется, другие развернет и тщательно аргументирует¹⁵.

Не останавливаясь на многих других высказываниях Бодуэна по различным частным вопросам интерлингвистики, обратимся к его основной работе, специально рассматривающей проблему вспомогательного международного языка в целом.

В 1907 г. вышла в свет брошюра К. Бругмана и А. Лескина, посвященная критике искусственных языков вообще и эсперанто в частности¹⁶. Это дало повод Бодуэну уже во всеоружии — он посвятил этому вопросу, как он сам писал, примерно 108 часов усиленных занятий — выступить в одноименной статье с развернутой критикой позднемладограмматических воззрений¹⁷. Подробно аргументированные тезисы Бодуэна в специальном резюме его статьи и в популярном ее варианте в журнале «Эсперо» могли бы давно уже войти в лингвистическую аксиоматику (не в математическом смысле слова), но тем не менее они далеко не всегда правильно оцениваются и осознаются в наши дни¹⁸.

Прежде всего Бодуэн подчеркивает, что он считает рассматриваемую им проблему «в высшей степени важной» (с. 3). Он без каких-либо оговорок заявляет, что «присущий некоторым лингвистам-теоретикам аристократизм в отношении всяких попыток синтеза и изобретения искусственных языков должен уступить место демократической трезвости» (с. 47). Взгляды Бругмана и Лескина по этому вопросу Бодуэн характеризует как «наивный романтизм» и требует, чтобы в области языкознания «вялое и бессильное преклонение перед всемогущим “бессознательным” и его обожествление было запрещено под угрозой наказания (verpönt) и заменено сознательным, целеустремленным использованием (Handhabung)» (с. 47). В этой связи Бодуэн ссылаясь на опыт, накопленный в других областях общественной жизни (право, искусство, воспитание), на-

смешливо замечая, что, например, в области религии церковники не уповают на «естественность» и «стихийность», на «мать-природу», а безо всяких колебаний навязывают обществу определенные религиозные верования (с. 11, 12).

«Язык не есть ни замкнутый в себе организм, ни неприкосновенный идол, он представляет собой орудие и деятельность», — заявляет Бодуэн. И человек, по его убеждению, не только вправе, но именно обязан целенаправленно совершенствовать свои орудия или даже заменять существующие орудия другими, лучшими (с. 12). Приводя в качестве иллюстраций различного рода «смешанные» языки, тайные языки, жаргоны, аргы и т. п., Бодуэн констатировал, что языковое изобретательство, различного рода «искусственные языки»¹⁹ — и без воляпюка и эсперанто — факт, который невозможно опровергнуть (с. 12 и 48). «Языковеды или лингвисты стоят до сих пор почти исключительно на точке зрения, признающей единственно непосредственное народное творчество. Они благоговеют перед романтическими толками о безошибочности или непогрешимости внесознательных и стихийных процессов... Мы не отрицаем “безошибочности” “сил природы”, природы, как физической, так и психической. Но в то же время мы не можем отрицать, что в свете сознания известные продукты стихийных процессов могут не соответствовать целям, которые мы ставим себе сознательно» («Espero», с. 359, 360).

«Так как язык неотделим от человека и постоянно его сопровождает, то надо овладеть им и подчинить его себе еще в большей степени, нежели другие области психосоциальной или душевно-общественной жизни» («Espero», с. 360). «Не человек для языка, — резюмировал Бодуэн, — а язык для человека» (с. 47).

Таким образом, можно сказать, что Бодуэн возродил в новых условиях телеологический аспект лингвистики. Вопросы лингвистической телеологии были намечены в общих чертах еще Декартом и Лейбницем, ими увлекался Кондорсэ, а в марксистском языкознании постановка этих вопросов опирается на пророческие слова о языке основоположников марксизма: «Само собой разумеется, что в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода»²⁰.

Уже в то время оппоненты идее искусственного международного языка, отступая перед «живой, закономерно развивающейся действительностью»²¹, вынуждены были примиряться с этой идеей, но настаивали на том, что создание такого языка — дело специалистов, «настоящих языковедов», а не самоучек и дилетантов, как Шлейер (создатель воляпюка), Заменгоф и др. Возражения Бодуэна по этому поводу весьма поучительны.

«Ученые, — пишет Бодуэн, — вообще относятся пока довольно равнодушно к вопросу о вспомогательном международном языке. Более всего сторонников этого дела вообще, а главным образом языка эсперанто в частности, набирается в ученом мире между математиками и естественниками, вероятно, потому, что естественникам свойственно больше всего понимание прикладного знания и научного синтеза. Менее всего милостивыми по отношению к этому вопросу оказываются, пожалуй, те ученые-специалисты, которых он должен бы интересовать более всего, именно лингвисты, или языковеды. Частью они считают все

подобного рода попытки вторжением непосвященных в арендуемый ими храм языковедения, частью же смотрят на всякую попытку создать языковой синтез как на абсурд... Где как где, но уж в области открытий и изобретений, — продолжает Бодуэн, — деление людей на посвященных или специалистов и на дилетантов не может быть оправдано ни логически, ни исторически» («Espero», с. 359).

Бругман в критикуемой Бодуэном брошюре выдвинул такое предложение: почему бы гг. Шухардту, Есперсену и Бодуэну де Куртенэ самим практически не помочь этому делу, почему им самим не выступить в качестве создателей проектов искусственных языков? Бодуэн отвечает: одно дело исследовать и открывать законы, другое — применять их на практике в творческой деятельности. Теория и практика, по его мнению, часто идут врозь. Выдающийся теоретик-акустик Гельмгольц не сумел сочинить ни одного удовлетворительного музыкального произведения. Язык в какой-то мере тоже произведение искусства, но значительно более сложное, чем, например, стихотворение, и «для успешной деятельности в этой области необходимы интуиция и вдохновение» (с. 15). «Что касается меня лично, — иронически замечает Бодуэн, — то я — хотя и не могу сравниться с названными исследователями (имеются в виду Бругман и Лескин. — В. Г.), — все же кое-что сделал в области теоретического языкознания. Но о том, чтобы мне предпринять попытку создать искусственный язык, уже потому не может быть и речи, что у меня почти вовсе отсутствует художественная фантазия» (с. 15). «При обсуждении вопроса о международном языке, — заключает Бодуэн, — некоторым философам, математикам, химикам, врачам и т. п., быть может, менее подходит название дилетантов, чем иным дипломированным языковедам. Выражение *ars non habet osorem nisi ignorantem* применимо ко всем людям без различия профессий» (с. 16).

Значительное место в работе Бодуэна «К критике искусственных международных языков» занимают подробно аргументированные, чрезвычайно интересные и поучительные возражения Лескину по поводу его критики строя эсперанто в целом, а также в связи с той характеристикой, которая была дана Лескиным фонетике, графике, морфологии, словообразованию и синтаксису эсперанто. Не менее интересны отдельные собственные критические замечания Бодуэна в адрес эсперанто. Эти возражения и замечания во многом не утратили своего значения и сегодня. Однако их подробный анализ — задача специальной статьи. Здесь необходимо указать лишь на наиболее общие выводы, к которым приходит Бодуэн, заключая полемику с Бругманом и Лескиным.

Далекий от того, чтобы рассматривать эсперанто как осуществление «идеала искусственного языка», Бодуэн отмечает его несомненные достоинства. Прежде всего это — «настоящий язык»; он не является ни односторонне романским, ни слишком искусственным; этим он выгодно отличается от большинства других международных языков; к тому же эсперанто — самый распространенный из них.

Мнение Лескина о том, что произношение эсперанто очень трудно, Бодуэн считает несостоятельным. Трудность и легкость произношения — понятия от-

носительные, и, по его мнению, все здесь зависит от методики преподавания. Сам Бодуэн после десятичасового изучения эсперанто мог уже вполне свободно читать и понимать текст на нем. Лескин же, замечает Бодуэн, учил его, очевидно, с отвращением, потому этот язык и показался ему, такому талантливому лингвисту, столь трудным.

Бодуэн не соглашается с категорическим выводом Лескина о том, что эсперанто в целом представляет собой неудачную попытку разрешить проблему международного языка.

В эсперанто, по мнению Бодуэна, нет ничего, чего нельзя было бы обнаружить в традиционных языках. «Эсперанто обладает всеми признаками подлинного “естественного” языка» (с. 39).

Больше того, словарь эсперанто, включающий в себя все морфемы, по отзыву Бодуэна, составлен великолепно и может служить образцом для всех прочих словарей. В этом отношении только древнеиндийские грамматисты и лексикографы достигли такого совершенства, к которому интуитивно пришел Заменгоф.

Бодуэн был сторонником утилитарного подхода к международному языку и отвергал критерии «языкового чутья», «чувства эстетического удовлетворения», ссылки на отсутствие значительных в художественном отношении оригинальных литературных произведений на искусственных языках. В то же время он особо подчеркивал, что не только торговля и связь нуждаются в таком языке, но и наука (с. 46).

Общая оценка эсперанто в этой брошюре Бодуэна выглядит так: «... введение эсперанто в международное обращение не означает ни языковой “революции”, ни беспочвенного анархического переворота... Все элементы эсперанто заимствованы из реальной языковой действительности и использованы разумно и осмотрительно» (с. 45).

Выступая и здесь, как во многих других работах, против «непреложности» «пресловутых звуковых законов», Бодуэн напоминал, что «искусственный» язык не предается во власть «стихийных сил», ибо он должен оставаться под постоянным контролем сознания, именно, как язык «искусственный», т. е. как «язык сознательно созданный, сознательно передаваемый, сознательно усваиваемый и сознательно воспроизводимый» («Espero», с. 367).

Как известно, в связи с тем, что Постоянная комиссия Комитета «Делегации для принятия вспомогательного международного языка», в работах которой осенью 1907 г. в Париже участвовал Бодуэн, остановила свой выбор на идо (реформированном эсперанто), в движении эсперантистов произошел серьезный раскол. Бодуэн не согласился с решением Комиссии (в отличие от Есперсена).

Реформы эсперанто Бодуэн называл штопаньем без достаточного обоснования и отмечал, что реформисты, при лучших намерениях, занимаются «насаждением смуты и невольным причинением вреда» идее международного языка («Espero», с. 427).

«Если бы я лично решал этот вопрос, — писал Бодуэн, — я решил бы его, пожалуй, так:

Пока я остановился бы на первоначальном эсперанто, как на вполне удовлетворительном орудии международного общения. Но вместе с тем я подверг бы его всестороннему разбору, всестороннему анализу и критике со строго научной, лингвистической точки зрения. И вот здесь-то лингвисты или языковеды могут и должны сыграть первостепенную роль. *Лингвистика должна включить в область своих исследований тоже разбор и оценку «искусственных» языков.* Благодаря этому появятся в будущем новые действительно более совершенные воплощения этой идеи. Однако же до тех пор, пока это не наступит, я со своей стороны рекомендовал бы употребление эсперанто» («Esperanto», с. 428. Подчеркнуто мною. — В. Г.).

«Разве, дожидаясь несравненно более совершенных форм международного языка, мы должны нынче отказываться от пользования признанною многими и пока вполне удовлетворительною формой языка эсперанто?» — спрашивал Бодуэн («Esperanto», с. 428).

Этим идеям Бодуэн остался верен до конца. Он не был, как сам он писал, ни фанатиком, ни даже безусловным сторонником какого бы то ни было искусственного международного языка. Широта, беспристрастность и трезвость взглядов позволила ему позднее в качестве автора предисловия к небольшой брошюре рекомендовать читателям и другой проект искусственного языка, — конкурировавший с эсперанто, — Reform-Neutral В. Розенбергера. В 1916 г. Бодуэн явился одним из основателей интерлингвистического общества «Kosmoglot», к которому вскоре примкнул и Н. В. Юшманов. Нет каких-либо сведений о работах Бодуэна в области интерлингвистики в последний, варшавский период его жизни, но и то, что известно — основные его труды: «Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen» и «Вспомогательный международный язык», — имеют в наши дни большое методологическое и воспитательное значение.

Конечно, деятельность «Делегации для принятия вспомогательного международного языка» в начале XX в., в канун мировой войны, не могла дать каких-либо значительных практических результатов, даже если бы ее работу не осложнил де Бофрон, анонимно, очевидно по соглашению с Кутюрá, предложивший комиссии свой проект идо. Но следует признать, что Бодуэн поступил правильно как ученый, приняв участие в ее работе. Хотя общественно-политических *условий* для успешного решения проблемы вспомогательного международного языка в то время не было, тем не менее передовая наука, откликаясь на общественные *потребности*, должна была поставить назревшую проблему и разработать основы интерлингвистики, и она это сделала.

Однако и сейчас, 50 с лишним лет после классических работ Бодуэна, в этой области сохраняется отмеченное им парадоксальное положение. Движение за сознательное введение искусственного международного языка развивается все еще стихийно; интерлингвистические идеи находят отклик у математиков, физиков, кибернетиков, а не у наших признанных лингвистов-теоретиков²².

И все же теперь уже можно сказать, что интерлингвистическая проблематика начинает выходить на оперативный простор. Включение в перспективный

Виктор Петрович Григорьев

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ
В ЧЕТЫРЕХМЕРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА
Избранные работы. 1958—2000-е годы

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет подготовил Р. Ермолаев
Корректоры В. Хаимова, Е. Зуевская

Художественное оформление переплета В. Хлебниковой

Художник-консультант Л. Панфилова

Подписано в печать 15.05.2005. Формат 70х100^{1/16}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Times.
Усл. печ. л. 65,79. Тираж 550. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур».
№ госрегистрации 1037789030641.
Site: <http://www.lrc-press.ru>
Phone: 207-86-93 E-mail: Lrc@comtv.ru

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (095) 247-17-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Zubovskiy b-r, 2, str. 1
(Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru